

ББК 63.3(2)53

Т.Г. Недзельюк

**Реализация образов картины мира в повседневной жизни
инославных христианских общин Сибири
XIX – начала XX в.: магистральные подходы
в методологии изучения темы**

T.G. Nedzelyuk

**Realization of Images of the World Picture
in an Everyday Life of the Catholic Communities in Siberia
at the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries:
Main Approaches in the Methodology of the Topic's Study**

Делается попытка создания теоретической модели для изучения повседневной истории локальной этноконфессиональной общности. Анализируются концепции, позволяющие сформировать исследовательскую модель. Определяются сферы повседневного, выявляется место повседневной истории в контексте изучения характеристик этноконфессиональной общности.

Ключевые слова: картина мира, история повседневности, повседневно-религиозный уровень бытия, этноконфессиональная идентичность.

Создание теоретической модели для изучения повседневной истории локальной этноконфессиональной общности является целью данной публикации. Мы стремились провести развернутый анализ концепций, позволяющих сформировать исследовательскую модель. Определение сферы повседневного, выявление места повседневной истории в контексте изучения характеристик этноконфессиональной общности – вот основные проблемы, решение которых с течением времени не теряет своей значимости, но все более актуализируется.

Историю уже не представляют как науку о социально-экономических формациях, политических и экономических системах. Наука о человеке в его историческом времени – современный содержательный контекст и основное направление в исследованиях сначала в европейской [1–4], а теперь и в российской [5–8] традициях. Одним из магистральных направлений в данном ключе является история повседневности.

История повседневности – отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах [9]. Данное научное направление охватывает разные стороны повседневности индивидов – социальные правила и предубеждения, внешний и внутренний мир. Из сферы повседневности

The author makes an attempt to create the theoretical model to study an everyday history of the local ethnic-confessional community. Concepts allowing us to form a research model are analyzed, spheres of routine are determined, a place of an everyday history in the context of studying characteristics of ethnic-confessional community is revealed.

Key words: picture of the world, history of routine, everyday religious level of being, ethnic-confessional identity.

го мы не исключаем труд в контексте его мотивации и способов действий. Также равноправным элементом считаем «календарные литургические праздники» как неотъемлемую часть повседневного бытования христианской общины. Определим, что именно мы понимаем под термином «повседневность». «Повседневное не исчерпывается и не ограничено рамками малых институтов, неформальных отношений семьи, дружбы, соседства, хотя и связано с ними; скорее, повседневность – сфера жизни и деятельности человека как такового, социально зрелого индивида...» [10]. Повседневное – не значит «обыденное» в узком смысле слова. Скорее, «повседневность» – это ряд многообразных практик и способов их упорядочивания [9], закрепленных различными социальными институтами (семья, церковь, государство).

Границы истории повседневности не определены, у нее нет четкой регламентации. Вообще говоря, теория и методология истории повседневности, или повседневной истории, скорее, предмет дискуссий и дискурса. Достаточно широко распространена следующая точка зрения: «История повседневности вообще берет начало в глубоком кризисе марксистской философии и представляет собой противоядие любой системной трактовке истории. У этого направления принципиально нет теории, и это считается главным плюсом» [11]. Всяческую систематизацию, в том числе

«невольную», сторонники данной позиции считают «опасностью», которая «огрубляет материал». «Исследователь должен не попасть в капкан удушающих концепций, а суметь пройти между Сциллой и Харибдой исторической системы, которая отрывает фактам головы», – утверждают они [11]. Только изложение исторического нарратива, вне рамок каких-либо теорий и концепций.

Вместе с тем сложилась и другая традиция в изучении истории повседневности, мы считаем ее наиболее продуктивной. «Хотя сам термин “повседневная история” утвердился в отечественной науке недавно, круг проблем, разрабатываемых данным направлением, имеет давнюю традицию в отечественной историографии» [12]. В противовес тезису об отсутствии методологии сложилось устойчивое мнение: «Культура и история повседневности, изученная и осмысленная в духе современных методологических подходов, должна занимать особое место в рамках и культурологии, и социальной истории, и реконструкции определенной материально-пространственной исторической среды» [13]. Более того, мы поддерживаем мнение о том, что «история повседневности является живой и сложной областью исторической науки, требующей от исследователя методологической рефлексии, размышлений о собственной исторической метапозиции, нарративном историографическом стиле» [14]. В контексте нашей темы актуально восприятие историко-бытового материала как системообразующего контекста, связывающего воедино социальную, экономическую, политическую, духовную историю посредством установок сознания, нравственных ценностей.

Методологически значимыми для нашего исследования оказались следующие концепции. Семиотический подход, предложенный Ю.М. Лотманом [6, с. 248–268], раскрывающий смысл повседневной бытовой культуры «изнутри», расшифровывающий «культурный код» по конкретным проявлениям обыденности, позволил нам выявить специфику бытового поведения, определить особенности образа жизни переселенцев христианского, но неправославного, вероисповедания. Кроме того, методологическое значение для нашего исследования имел вывод Ю.М. Лотмана о дихотомии Востока и Запада в русской культуре. «Отношение к западному миру было одним из основных вопросов русской культуры на всем протяжении послепетровской эпохи... чужая цивилизация выступает для русской культуры как своеобразное зеркало и точка отсчета, и основной смысл интереса к “чужому” в России традиционно является методом самопознания» [15, с. 748].

Л.В. Беловинский конкретизировал теорию Лотмана, расширив спектр содержания «повседневного» путем включения техник досуга, религиозности. Л.В. Беловинский утверждает: «Существуют разные уровни повседневности» [16, с. 50; 17]. Для нашего

исследования принципиальное значение имеет вывод, сделанный им о культуре повседневности как сочетании культуры обыденной и специализированной. Основываясь на полученном знании, мы выделяем повседневно-обыденный и повседневно-религиозный уровни бытия. Структура повседневности в нашем понимании определяется как сочетание многообразных срезов реальности: материально-бытовые условия, трудовая деятельность, оказывающая влияние на формирование профессионального и социального статуса, семейное положение и роль в семье, система ценностей и общественное мнение.

Теория Г. Зиммеля о религиозности как форме социальных связей привела нас к пониманию взаимосвязи между сферами духовного и повседневно-материального. «Глубинное основание, опираясь на которое категория *религиозности* может стать формой *социальных связей*, создано благодаря удивительному сходству, существующему между отношениями индивидуума к божеству и его отношением к *социальной общности*. ...индивидуум чувствует себя привязанным ко всеобщему, высшему, к тому, из чего он возникает и куда уходит, чему он отдает всего себя и от чего он в то же время ожидает освобождения и избавления, от чего он отличен и с чем он все же тождественен» [18, с. 558]. Исходя из данной установки мы стремились отойти от религиозоведческого контекста, с одной стороны, не свести повествование к традиции русского бытописания, а с другой – нарисовать картину общественной (социальной) жизни, в которой религия выступает в форме одного из социальных институтов.

Определению границ «праздничной» и «повседневной» религиозности помогли выводы, сделанные Д.М. Угриновичем. Он вычленяет внутреннюю структуру религиозности, рассматривая религиозное сознание и религиозное поведение людей в их единстве. «Несмотря на строгое соблюдение большинством населения США религиозных ритуалов, в практической повседневной жизни американцы почти не руководствуются религиозными принципами, нормами и ценностями. Переступая порог церкви, они, как правило, забывают о существовании религии. Религия у них выступает как один из признаков социального статуса, чем как система норм, регулирующих поведение» [19, с. 158]. По мнению Д.М. Угриновича, «о подлинной религиозности можно говорить лишь тогда, когда религиозная вера выступает как мотив действия, мотив поведения... Поэтому особо важным показателем религиозности являются те виды поведения индивида, которые почти исключают (во всяком случае делают маловероятной) нерелигиозную мотивацию». К числу таких показателей исследователь относит следующие: молитва на дому, пропаганда религии среди окружающих, чтение религиозных книг и журналов. «Чисто церковные, культовые формы поведения для опреде-

ления степени религиозности должны обязательно проверяться путем выявления их мотивов, поскольку «церковность» здесь далеко не всегда совпадает с «религиозностью» [19, с. 158].

Принципиальную важность для нашего исследования имеет категория «этноконфессиональная идентичность». Природа данного термина двояка: представление об этноисторической, этнорегиональной самобытности органически связано с конфессиональной спецификой конкретной религиозной организации [20, с. 63].

В исследованиях истории повседневности четко выделяются два подхода: макроисторический – как реконструирующий ментальный макроконтекст событийной истории, и микроисторический – как реализация приемов микроисторического анализа.

В рамках макроисторического подхода сложилось исследовательское направление, считающее ценностью повседневной истории не просто собирательство фактов, а их интерпретацию. Французские историки М. Блок и Л. Февр предложили видеть в реконструкции «повседневного» элемент воссоздания истории в ее целостности [4]. Продолжатели их идей – школа «Анналов» 1950-х гг., ее представитель Ф. Бродель исследовал: взаимодействие между людьми, их поступки, ценности и правила, формы и институты брака, семьи, религиозных культов – вот, по его мнению, содержательное наполнение повседневности. Продолжавшие «линию Броделя» французские историки второго поколения школы «Анналов» скрупулезно изучали взаимосвязи между образом жизни людей и их ментальностями, бытовой социальной психологией. Продолжатели традиции первых двух поколений школы «Анналов» (в России это А.Я. Гуревич [21, с. 501–541]) ставят в центр своих исследований общую реконструкцию «картины мира» определенной эпохи, социума, группы. Они изучают в повседневности прежде всего ее ментальную составляющую, полагая, что важным компонентом является любопытство к образам «другого» и толерантное признание этого «другого».

Говоря о приемах микроисторического анализа, обратим внимание на подчеркнuto повышенный исследовательский интерес к компонентам материальной культуры. В некотором смысле происходит даже подмена понятий «обыденный» и «материальный». В трактовке Л.В. Беловинского «история материальной культуры включает разнообразнейшие явления всей жизни прошлого, получившие материальное воплощение: жилище, хозяйственные постройки, орудия труда и инструменты, транспортные средства, мебель, посуду и предметы домашнего обихода, одежду и ее аксессуары... Как неотъемлемая часть всей культуры сообщества, история материальной культуры детерминирована условиями... исторического обитания, включающими не только природную среду, но и эконо-

мические, социальные и политические обстоятельства его исторического бытия. В результате она находится в связи с национальным характером, формирующимся в этой среде обитания, с историей быта и нравов различных социокультурных групп, их верованиями, традициями, привычками и господствующими вкусами...» [17, с. 3–4]. Существует и иная традиция микроистории в толковании истории повседневности – обращение к «малым жизненным мирам», история обычных, «малых» людей. Современная тенденция в германской, итальянской, скандинавской, польской историографии – изучение и написание «микроисторий» отдельных рядовых людей или их групп, носителей повседневных интересов. В данном контексте интерес представляет апробация методик изучения несостоявшихся возможностей.

Мы полагаем наиболее продуктивным комбинированное использование как индуктивного (от частного к общему), так и дедуктивного (от общего к частному) методов. И хотя основоположники теории «повседневной истории» постулируют самоценность исторического факта, мы полагаем, что факт может быть неверно истолкован вне того контекста, который выступил фоном для возникновения и развития конкретного исторического явления. Сложность и оригинальность нашей темы объясняется её широким контекстом: представители данной конфессии ассоциируются с «западным миром», иной системой ценностей, нежели традиционное православие. В этом смысле объяснительное значение имеет высказывание А.Я. Гуревича: «Интерес исключительно к истории своей страны при забвении всего остального чреват культурным изоляционизмом и интеллектуальным провинциализмом, но мы чересчур долго страдали и от того и от другого, чтобы вновь к ним возвратиться» [21, с. 501]. Традиционный путь познания истории – дедуктивный: от макроистории к микроистории, он позволяет выявлять общие закономерности на региональном уровне. Сочетание его с антропологическим подходом в истории позволило нам наполнить «человеческим содержанием» изучаемую реальность и обратить научный поиск «от обстоятельств к человеку»: речь идет о переносе центра тяжести с исследования событий на исследование человека в этих «событиях» и «структурах» [22].

Инструментом для описания повседневной истории стала для нас концепция «картины мира», сформулированная в 50-е гг. прошлого века американским антропологом Робертом Редфильдом. По данному им определению, «картина мира» (world-view) есть видение мироздания, характерное для того или иного народа; это представления членов общества о себе самих и о своих действиях, своей активности в мире [23]. «Словарь культуры XX века» под «картиной мира» понимает «систему интуитивных представлений о реальности» [24]. И хотя в трактовках данной концепции существуют различия, зачастую достаточно важные,

есть нечто, что их объединяет, – в их основу положен принцип рефлексии, «основной признак отражения мира нашим сознанием в виде понятий, представлений, концептов» [25]. Теория «картины мира», по нашему убеждению, имеет два уровня: внутренний (inter-уровень) и внешний (extra-уровень). Первый уровень рассматривает человека как члена приходской христианской общины, принимая эту общину в качестве системы родственных и (или) соседских связей; это система ценностей, взгляд на самого себя, рефлексия по поводу происходящих событий. На втором уровне община выступает как открытая социальная система, ищущая точки соприкосновения с окружаю-

щим социумом. Внешний уровень – это взгляд члена какого-либо культурного сообщества на внешний мир, способы адаптации в нем. Описываемая нами картина мира имеет существенную особенность – она является религиозной. В основе каждой религиозной картины мира, у представителей любого вероисповедания лежит принятие на веру тех или иных суждений, теорий, правил. В рамках данного исследования мы не ставим исследовательских задач их верификации. Именно поэтому мы не включаем анализ теологического элемента в его догматической сущности ни в inter-, ни в extra-уровень, принимая его изначально заданным для конкретного типа культуры.

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М., 1995.
2. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. – М., 2006. – Т. 1.
3. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философии // Логические исследования. Философия как строгая наука. – Минск, 2000.
4. Февр Л. Бои за историю. – М., 1991.
5. Ионин Л.Г. Повседневная культура // Культурология. XX век : энциклопедия. – СПб., 1998. – Т. 2.
6. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Избранные статьи : в 3 т. – Таллинн, 1992. – Т. 1.
7. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и «история частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история : ежегодник. 2004. – М., 2004.
8. Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история : ежегодник. 1998/99. – М., 1999. – Ч. II.
9. Пушкарева Н.Л. История повседневности и частной жизни глазами историка // Кругосвет : энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/ISTORIYA_POVSEDNENOSTI.html.
10. Дубин Б.В. Быт, бытовщина, обыденность: Идеи и история повседневности в России // Демоскоп Weekly: Электронная версия бюллетеня «Население и общество» / Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_020.html.
11. Ефанова В. Каждый пишет, как он слышит [Электронный ресурс]. URL: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/96>.
12. Гончаров Ю.М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/sbit/3-4.html>.
13. Розенберг Н.В. Аспекты исследования культуры повседневности в отечественном социально-гуманитарном знании // Аналитика культурологи: Электронное научное издание. URL: <http://analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=154>.
14. Маликова М. Наивная история повседневности // Отечественные записки. Журнал для медленного чтения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=31&article=1325>.
15. Лотман Ю.М. Современность между Востоком и Западом // История и типология русской культуры. – СПб., 2002.
16. Беловинский Л.В. Культурно-исторические аспекты повседневности: содержание, структура и динамика : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2003.
17. Беловинский Л.В. История русской материальной культуры. – М., 2003.
18. Зиммель Г. Религия. Социально-психологический этюд // Избранное / пер. с нем. А.В. Дранова. – Т. 1: Философия культуры. – М., 1996.
19. Угринович Д.М. Очерк четвертый: Религия как предмет социологического исследования // Очерки методологии познания социальных явлений. – М., 1970.
20. Островский А.Б. Этноконфессиональная идентичность (эмпирическое изучение) // VI конгресс этнологов и антропологов России / отв. ред. Ю.К. Чистов. – СПб., 2005.
21. Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. – М., 1991.
22. Тихонова С. Антропологический подход к истории через изучение повседневности [Электронный ресурс]. URL: <http://his.1september.ru/articlef.php?ID=200101304>.
23. Redfield R. The Little Community. Viewpoints for the Study of a Human Whole. Uppsala and Stockholm: Almqvist and Wiksells, 1955. URL: <http://ethnopsychology.narod.ru/study/history/worldview.htm>.
24. Руднев В.В. Словарь культуры XX века. – М., 1997.
25. Андреева К.А. Лингвоцветовая картина мира в поэзии Д.Г. Лоуренса [Электронный ресурс]. URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No13/text02.htm>.